DOI: 10.17976/jpps/2022.01.04

“НОВОЕ ВАРВАРСТВО” В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Н.Н. Зарубина, С.А. Кравченко

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры социологии, МГИМО МИД России, Москва, email: n-zarubina@yandex.ru; **КРАВЧЕНКО Сергей Александрович**, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии, МГИМО МИД России; главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, email: sociol7@yandex.ru

Зарубина Н.Н., Кравченко С.А. 2022. “Новое варварство” в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 31-44. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.04

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта №075-15-2020-930 от 16.11.2020).

Статья поступила в редакцию: 27.05.2021. Принята к публикации: 28.10.2021

Аннотация. Целью статьи является актуализация цивилизационной аналитической перспективы, раскрытие ее эвристических возможностей для исследований “нового варварства” как социокультурного и политического феномена, травмирующего человеческий капитал. Методологической основой работы является “цивилизационный поворот” в социальном знании. Опираясь на труды П.А. Сорокина, Ш. Эйзенштадта, Й. Арнасона, авторы рассматривают “новое варварство” как продукт усложняющегося нелинейного развития современной цивилизации, вызываемый к жизни возникновением новейших “осевых противоречий”. В качестве конкретных причин “нового варварства” выделяются амбивалентности усложнения социальных реалий, т.е. не только производство благ, рост межкультурных и межцивилизационных взаимодействий, но и возрождение архаизации, социальной и политической деструктивности. Результатом распространения “нового варварства” становится умножение травм культурного и цивилизационного наследия человечества. Отдельно рассматривается феномен “цифрового варварства”, развивающегося в контекстах “вторичных осевых прорывов” четвертой технологической модернизации. Выделяются базовые противоречия современного развития, приводящие к воспроизводству “цифрового варварства”. В их числе – разрывы и между ростом свободы, обусловленной развитием цифровых коммуникаций, и новыми проявлениями несвободы в формах социального контроля и надзора; между потребностью в новых знаниях, творчестве и обесцениванием образования и науки; между доступностью информации, увеличением производства смыслов и отчуждением от культурных ценностей, жизненных миров людей. Делается вывод о востребованности гуманистического подхода к технологическому развитию как значимого фактора минимизации различных проявлений “нового варварства”.

Ключевые слова: новое варварство, цифровое варварство, цивилизация, цивилизационный анализ, человеческий капитал, нелинейное развитие, цифровизация, гуманизм.

Рубеж XX-XXI вв. ознаменовался не только большими достижениями в областях науки, технологий, совершенствования социальных, экономических

и демократических институтов, но и массовой утратой объектов культурного наследия человечества. Это как разрушение материального достояния в ходе военных и социальных конфликтов, так и целенаправленное уничтожение, ниспровержение, дискредитация ценностей, норм, символов Добра и Правды, исторической памяти, которые долгое время служили ориентирами развития современных цивилизаций. Даже коммеморации событий недавнего прошлого, сохраняемого еще в коммуникативной, т.е. передаваемой в непосредственном общении, памяти в едином культурном нарративе [Ассман 2004], подвергаются нападениям "новых варваров": беспрецедентно участились случаи низвержения мемориалов и памятников, переосмысления исторических событий и роли в них личностей. Наряду с этим прагматические модернизационные процессы, несмотря на развитие экологического знания и природоохранных практик, по-прежнему разрушают социоприродную среду. Ускорившееся и усложняющееся развитие современного общества, основанное на доминировании принципов формальной рациональности и эффективности, приводит к смысловым разрывам и травмам культурного наследия, распространению цифровых технологий с сопутствующей "революцией архивов", оцифровкой музейных коллекций, к виртуализации культурных артефактов, снижающей значимость подлинников. Социальные мыслители все чаще ставят вопрос о "новом варварстве" как *атрибуте* современной цивилизации. Представляется, что политические меры и гражданские инициативы, направленные на защиту наследия человечества, оказываются неэффективными не из-за недостатка воли и энергии их сторонников, а из-за недооценки современных социальных процессов, порождающих "новое варварство".

"Новое варварство" является серьезной угрозой для человеческого капитала в силу того, что с его распространением не только увеличивается агрессия, уничтожаются культурные ценности – достижения цивилизаций, но и возрождаются эгоизм и хищничество, примитивизируются социальные действия, обесценивается их интеллектуальная и творческая составляющая, разрушаются идентичности, выхолащивается гуманистическое содержание демократических институтов. Цивилизационный анализ позволит наметить реальные стратегии противостояния его распространению, поскольку он раскрывает усложняющуюся диалектику этого феномена.

"Новое варварство" в цивилизационной аналитической перспективе

Под "новым варварством" нами подразумеваются *осознанные и целенаправленные нелегитимные насильственные действия в отношении людей, культурных ценностей и артефактов – материальных и духовных, нормативных основ общества, а также природы, сопряженные с архаичными и упрощенными социальными практиками.* Варварство в современном мире рассматривается именно как порождение цивилизации [Ерасов 2002: 99], т.е. эти два понятия образуют бинарную оппозицию. Как показывает Ю.М. Лотман, цивилизация для того, чтобы идентифицировать себя как культурное целое, нуждается в Другом, который выступает как сконструированный "варварский мир", не имеющий с ней общего языка [Лотман 1992: 15]. Искусственность характера "варварского мира" состоит в его априорном единстве по принципу отсутствия признаков цивилизации, хотя реально он может включать и не менее развитые

самостоятельные "периферийные" цивилизации, которым просто отказано в таком статусе в силу отсутствия у них определенных характеристик.

Будучи социальным конструктом, "варварский мир", с одной стороны, выполняет легитимирующую функцию "универсализации" собственной "цивилизованной" культуры, политического устройства, их доминирования над чуждым "варварским" окружением. А с другой стороны – этот конструкт служит оправданием насилия в отношении "чужаков", культурных ценностей, норм поведения, маркируемых как "нецивилизованные", "варварские". Этот механизм разграничения добра и зла, правды и постправды используется политическими силами для оправдания деструктивных действий в отношении Другого, особенно иного в*и*дения значимых ценностей в человеческом капитале. Подобные дискурсы и практики именуются "горизонтальным варварством" [Малашенко, Нисневич, Рябов 2018], примеры которого множатся в современном мире. Однако если в недалеком прошлом цивилизации были относительно отдалены друг от друга географическими границами, то ныне они существуют в *"соседствующих пространствах"* и функционируют не только по своему, но и по глобальному *"вневременному времени"* [Castells 2010: xxxi, xl]. Эти новые факторы обостряют противостояние цивилизаций. Возник эффект "конца географии", выражающийся в том, что активно идет размывание культурно-территориальных границ, которые более не в состоянии сохранять неповторимую цивилизационную идентичность, историческую и культурную обусловленность человеческого капитала, а само физическое пространство в условиях глобализации перестает оказывать детерминирующее воздействие на общественную, политическую и хозяйственную жизнь [O'Brein 1992].

Варварство в "горизонтальном" плане межкультурного и межцивилизационного взаимодействия имеет целью уничтожение исторической памяти, идентичности, человеческого капитала других народов и цивилизаций на основании того, что они-де "некультурны", не соответствуют ценностям и препятствуют утверждению культурно-политического доминирования сообщества, культивирующего эти "варварские практики". Известные проявления "горизонтального варварства" – уничтожение талибами полуторатысячелетних статуй Будды в афганской долине Бамиан, разрушение боевиками ИГИЛ[1] археологического музея в сирийском Мосуле и храмов Пальмиры. Многие варварские акты, идейно подготовленные инъекциями постправды и вражды к иным ценностям, были политическим инструментом во время войн на Балканах и Ближнем Востоке.

Вместе с тем зарождается и получает распространение тип "нового варварства" как *внутрицивилизационной проблемы,* в значительной степени обусловленной *негативными побочными эффектами в усложняющихся механизмах развития цивилизаций и формирования человеческого капитала*, что является предметом нашего рассмотрения.

Анализ внутрицивилизационных вызовов связан с развитием "цивилизационного поворота" в социальных науках, который был инициирован во второй половине прошлого века исследованиями множественности модернизации и связанными с ней кризисами, а теперь, как представляется, получает новые стимулы развития в связи с процессами глобализации и цифровизации. Одним из основателей "цивилизационного поворота" был

[1] Запрещенная в РФ террористическая организация.

П.А. Сорокин, в контекстах своей теории социальной и культурной динамики исследовавший природу кризиса западной цивилизации. Его глубинные причины социолог видел во *внутренних факторах* развития, появившихся в результате формальной рационализации жизни, прагматизма, эгоизма и меркантилизма [Сорокин 2009].

Методологической основой современного цивилизационного анализа, воплощенного в первую очередь в теории Ш. Эйзенштадта, является интегрированный микро- и макроанализ социальных действий и функционирования институциональных структур, культуры и духовных ценностей, а также исторической уникальности каждого конкретного общества. Цивилизация как аналитическая категория предполагает в рамках такого анализа сочетание базовых онтологических и космологических представлений, возникающих в результате духовных прорывов "осевого времени" – "осевых революций". Согласно К. Ясперсу, "осевое время" в истории человечества начинается с осознания экзистенциальных противоречий, проблем смысла существования и сущности человека. Эти духовные и интеллектуальные прорывы, в свою очередь, порождают противоречия между мирским и трансцендентным порядками, а потребность их урегулирования, в свою очередь, вызывает к жизни множество альтернативных духовных, идеологических, символических систем, регулируемых ими "институциональных арен" политической, хозяйственной, повседневной жизни обществ, осуществляемых как через целенаправленные, так и через непреднамеренные действия социальных акторов [Eisenstadt 2003: 17, 34]. В такой исследовательской перспективе цивилизации предстают как принципиально неоднородные социально-культурные образования, представляющие собой не развертывание во времени неких "прасимволов", "культурных кодов", а постоянную конкуренцию альтернативных идейных проектов, нацеленных на урегулирование "осевых противоречий". Поэтому цивилизации предполагают имманентные амбивалентности: наряду с развитием духовных центров и базовых институциональных порядков идет постоянное воспроизводство инакомыслия, протестных движений, гетеродоксии, а также соответствующих им конкурирующих институциональных порядков регуляции различных "арен" социальных взаимодействий, что в итоге формирует специфические формы человеческого капитала. Элитные группировки разного уровня представляют ту активную творческую силу, которая не только генерирует идеи, но и своими действиями оказывает существенное влияние на трансформацию жизни общества, институциональных и структурных порядков, задействованных в производстве человеческого капитала.

Эвристическая значимость цивилизационного анализа в его современной перспективе позволяет рассматривать порождение "нового варварства" как непреднамеренный результат развития "осевой проблематики" цивилизаций, как продукт конкуренции и столкновения различных проектов урегулирования "осевых противоречий". Варварство при такой аналитической перспективе может быть представлено как негативный побочный продукт в виде архаизации и деградации, сопровождающих поступательное цивилизационное развитие, к которому не может адаптироваться часть общества. В цивилизационном анализе оно может быть интерпретировано как "побочные потери" процесса поисков адекватного ответа на вызовы "осевого времени" в виде деструктивного и агрессивного взаимного отторжения "вторичных" элит и их последователей в контекстах активных протестных движений и революционных преобразо-

ваний [Эйзенштадт 1999]. Само становление западной цивилизации сопровождалось ниспровержением достижений "варварской" языческой античной культуры в период утверждения христианства на заре новой эры. История любой цивилизации вмещает множество конфликтов – религиозных войн, еретических и сектантских движений, соперничества за власть, многие из которых рассматривали разрушение высоких достижений культуры как промежуточную цель на пути возвращения к "золотому веку" или, напротив, построения "счастливого" общества будущего. В современных же цивилизациях эти конфликты качественно усложнились – разворачивается противоборство между сохранением и "переделкой" человеческой природы, в котором значительную роль играет мягкая сила, навязывающая "правильные модели" человеческого капитала под предлогом реализации модернизационных проектов.

"Цивилизационный поворот" был обусловлен необходимостью осмысления амбивалентностей модернизации. Ш. Эйзенштадт и его последователи рассматривают современную модернизацию как "вторичную осевую революцию", сопряженную с необходимостью урегулирования новых онтологических противоречий. Й. Арнасон считает, что это фундаментальное противоречие между равнозначимыми императивами автономии личности и контроля, из которого следует целый ряд других противоречий [Арнасон 2011: 14]. Новая эпоха бросила цивилизации беспрецедентные вызовы, на которые было необходимо дать ответы, сопряженные с поисками соответствующих институциональных порядков, по-новому регулирующих различные сферы жизни общества и нормативно воспроизводящих человеческий капитал. На основе разных онтологических в*и*дений и соответствующих систем институционального регулирования и организации политической власти складывается множество вариантов общества модерна, которые могут быть более или менее эффективными и долгоживущими, что в конечном счете зависит от их соответствия потребностям сохранения и наращивания человеческого капитала, адекватного усложняющимся реалиям.

Наиболее яркими свидетельствами воспроизводства "нового варварства" стали не сами по себе реформаторские, протестные и революционные движения, сопровождающие "вторичные осевые прорывы" становления общества модерна, а жестокие разрушительные политические столкновения, сопровождавшие их подъем. Утверждение новых проектов модернизации происходило с применением политического, символического, идейного и прямого физического насилия в ходе как буржуазных, так и социалистических революций, и сопровождались небывалым по деструктивности и жестокости разрушением институциональных и культурных оснований прежних практик устроения общества. Примеры тому можно найти в вариантах модерна, воплощавшихся и на Западе, и на Востоке [Эйзенштадт 1999: 239-240; Арнасон 2011]. По существу, человеческий капитал "переделывался", исторические, эстетические и духовные ценности сознательно разрушались ради воплощения "иного, лучшего" варианта развития общества.

В то же время социальные предпосылки для воспроизводства "нового варварства", получившего название *вертикального,* существуют внутри самого "мейнстрима" цивилизации модерна. Понятие "вертикальное вторжение варваров" ввел в научный оборот, со ссылкой на В. Ратенау, Х. Ортега-и-Гассет. По его мнению, "вертикальное варварство" – это процессы внутри общества, сопряженные с активизацией примитивных, упрощенных, архаичных социальных и культурных практик, в том числе с ростом нелегитимного насилия.

Природу "вертикального варварства" ученый связывал с беспрецедентной вертикальной мобильностью, доступностью потребительских благ и формированием массового общества в XX веке. "Человек массы", пользуясь благами цивилизации как само собой разумеющимися, при этом не понимает и не ценит их источники, не прилагает ни малейших усилий для их сохранения, напротив, с готовностью разрушает то, что недоступно его косному, "закупоренному" сознанию [Ортега-и-Гассет 2020: 58, 70].

Для "нового варвара", т.е. человека массы, его ограниченные познания и смыслы представляются абсолютно достаточными, поэтому он не только не стремится их расширить, но и испытывает высокомерное презрение по отношению к тем, кто больше знает и иначе чувствует. Все, что лежит за пределами ограниченного миропонимания "нового варвара", не имеет для него значения и ценности, а значит, с легкостью разрушается, иногда даже не целенаправленно, а просто "случайно", в качестве "непреднамеренного последствия" его самоутверждения. Не с этим ли связаны повреждения и потери культурных ценностей "по недосмотру" – пожар в соборе Парижской Богоматери 2019 г., пожары в Манеже в 2008 г., в Новодевичьем монастыре в 2015 г. в Москве, в Псковском кремле в 2010 г.? Или – утрата полуторатысячелетних геоглифов в южноамериканской пустыне Атакама, поверх которых "случайно" прошел маршрут авторалли?

Для "новых варваров" не существуют критерии истины и правды в диалоге и дискуссии – они готовы силой навязывать *свою волю*, что характерно для многих приверженцев *радикальных* идеологий. Поэтому вызовы "нового варварства" для цивилизаций видятся не только в деструктивном содержании идеологии, но, в значительной степени, – *в характер*е ее утверждения. Полагаем целесообразным отнести к "новым варварам" последователей разных политических сил и взглядов, в равной степени как агрессивных традиционалистов, так и либералов, "защитников" прав разного рода меньшинств, практики которых предполагают насилие в отношении большинства – унижение, попрание законов и норм общежития, уничтожение объектов культурного наследия и исторической памяти. С этой точки зрения и сторонники Трампа, штурмующие Капитолий, и последователи *BLM*, требующие не столько уважения прав меньшинства, сколько унижения и дискриминации большинства и реинтерпретации прошлого, проявляют себя как "новые варвары".

Одной из главных социальных предпосылок возникновения варварства внутри современной цивилизации является перманентно увеличивающаяся сложность общества, которой не в состоянии соответствовать примитивный человек массы [там же: 89, 92-93]. Именно поэтому цивилизации, функционирующие в условиях глобальной сложности, социальной и природной турбулентности, порождают и воспроизводят носителей "нового варварства" – людей с низким качеством человеческого капитала, в котором доминирует коллективное бессознательное. Обострилось противоречие между сложностью общества и готовностью ее принимать, соответствовать ей на массовом уровне. Именно таким, одним из скорых, "легких" способов адаптации к усложняющимся реалиям становится *упрощение* массовых социальных практик, *сопутствующее росту сложности* общества как его диалектическая противоположность. Упрощенные практики являются ответом на вызовы сложности, которые позволяют осуществлять организацию социальной жизни на массовом уровне, удовлетворяя

потребность людей в предсказуемости и повторяемости, в однозначных рациональных интерпретациях происходящего [Зарубина 2014].

Распространенной формой упрощения является *архаизация* как *стихийное обращение к повседневным практикам, почерпнутым из прошлого, как более или менее осознанный отказ от передовых достижений* в различных областях жизнедеятельности в качестве реакции на недоступность последних, невозможность приобщения к ним. Сама по себе архаизация еще не проявление варварства, но создает для него благоприятную почву: приобретая насильственный и деструктивный характер, ныне архаичные практики становятся варварскими. Это происходит в силу утраты интереса и появления враждебности к непонятным человеку массы глубинным основаниям новых практик творческого типа, достижениям культуры, которыми они обусловлены. Так, высокотехнологичные инновации не предполагают освоения массовым пользователем тех достижений науки, которые стали их основой. Более того, исследователи давно отмечают, что современный человек гораздо менее осведомлен о научных и технико-технологических предпосылках тех практик, которые представляются ему естественными, нежели дикарь, обладающий гораздо меньшим набором возможностей, но зато понимающий глубинные инструментальные механизмы всех способов взаимодействия с внешним миром, которыми он располагает [Вебер 1990: 713, 729]. В связи с этим примечательно массовое отношение к такому несомненному достижению и движущей силе современной цивилизации, как наука. И прежде наблюдалось "варварское" пренебрежение наукой даже со стороны людей, непосредственно вовлеченных в использование ее результатов, например инженеров и врачей [Ортега-и-Гассет 2020: 89]. Что тогда говорить о простых потребителях, которые охотно используют результаты инновационных исследований, воплощенные в практически полезные технические и другие новинки, но при этом совершенно не связывают их появление с работой ученых. Показательно, что наука, фундаментальная и прикладная, с которой связаны важнейшие блага современной цивилизации, не пользуется ни уважением, ни признательностью со стороны как чиновников, так и массового обывателя [Зарубина 2017]. И те, и другие проявляют свое отношение к науке в деструктивных практиках, основанных на упрощениях и архаизации: стремятся "втиснуть" научное творчество в стандартизированные рамки количественных показателей, профанирующих деятельность исследователей, а человек массы с готовностью возвращается к архаичной донаучной картине мира, в том числе к магическим практикам. Представляется, что *сведение качественных характеристик социальных практик к их количественным и формальным выражениям* является одной из предпосылок для развития современного "вертикального варварства", что становится латентным фактором, сдерживающим развитие человеческого капитала. Как известно, квантификация качества и формальная рационализация представляют собой одну из базовых характеристик общества модерна, однако она же становится олицетворением отчуждения индивида от собственной культуры, нередко ведущего к пренебрежению ею и даже к ее разрушению.

Одним из проявлений квантификации качества является распространение денежного обмена, т.е. рынка. Развитие рыночной экономики обычно связывают с модернизацией и политической демократией. Может ли прогресс сопровождаться "вертикальным варварством", ведь оно предполагает противоположный вектор – деструктивную архаизацию? Представляется, что

может постольку, поскольку он связан с упрощением социальных практик, с целенаправленным и политически мотивированным отказом от уже свершившихся достижений цивилизации, нежеланием признавать их ценность и значимость. Так, коммодификация земли приводит к обесцениванию всего того, что на ней находится. Поэтому превращение земли в "фиктивный товар" (К. Поланьи) сопровождается не только ускоренным распадом социальных общностей (*Gemeinschaft*), но нередко и уничтожением того, что ими было создано. Развитие современных городов, дорог, промышленных предприятий и т.п., – атрибутов индустриальной цивилизации, оказалось деструктивным как для сложных экологических систем, так и для социальной и культурной среды, которая была в них вписана. Многие объекты культурного и природного наследия были уничтожены ради рыночной или политической "целесообразности". Еще один аспект "нового варварства" связан с распространяющейся десимволизацией истории и культуры. Теперь значение имеет не столько историческая и художественная ценность культурных артефактов, сколько ее прямой аналог в денежном, т.е. количественном, упрощенном выражении. С одной стороны, высокая денежная стоимость культурных артефактов, согласно П. Бурдье, является "объективированной" формой культурного капитала [Bourdieu 1986], и именно в таком качестве они востребованы коллекционерами, инвесторами. С другой стороны, становятся возможными разного рода манипуляции, игры с денежной стоимостью объектов культуры, зависящие от рыночной конъюнктуры. Так, сознательное занижение стоимости того или иного объекта, такого как архитектурные сооружения или лесопарковые угодья, может использоваться как механизм их обесценивания в целях последующего присвоения и уничтожения, что неоднократно имело место, например, при "освобождении" земли для реконструкции российских городских пространств.

Развитие цифровых технологий, становление новых технологических укладов представляет собой новейший этап модернизации, порождающий новые, требующие решений, "осевые противоречия" и вместе с тем выводящие цивилизацию на новый уровень. Но оно же порождает и невиданные ранее формы варварства, требующие теоретического осмысления.

НОВЕЙШИЕ "ОСЕВЫЕ ПРОРЫВЫ": РОЖДЕНИЕ "ЦИФРОВОГО ВАРВАРСТВА"

Цифровизация как очередной этап развития технологий вызвала к жизни принципиальные изменения в социуме и культуре. Современное общество оказалось перед вызовами, которые по своим масштабам и глубине, на наш взгляд, являются "осевыми противоречиями", поэтому востребуют новые "осевые прорывы" в контекстах современных цивилизационных общностей. Эти прорывы осуществляются через конкуренцию идей и идеологий, политических движений, институциональных образований, явно или латентно решающих "осевые противоречия".

Цифровизация придала новые смыслы сформулированной Й. Арнасоном "осевой" проблематике общества модерна как противоречия между автономией индивида и социокультурным императивом контроля. Если символом модернистского контроля управляющего центра, контроля элит над массами и над каждой личностью стал паноптикон, то современные исследователи говорят о синоптиконе (З. Бауман), или панспектроне (В.И. Дудина). Эти образы отражают новые вызовы, связанные с технологически обусловленным тотальным контролем, не имеющим ни четко определенного субъекта

и объекта, ни фундированных целей. В любой момент каждый обладатель цифрового устройства или просто попадающий в сферу действия цифровых устройств – камер видеонаблюдения, поисковых и платежных систем – становится объектом контроля, причем неизвестно, какие именно действия привлекут внимание наблюдателей и будут извлечены из *Big Data*. Внешний контроль затрагивает, таким образом, *не деятельность людей, а их самих*, приобретая неопределенный, "текучий" характер. И каждая цивилизация дает на эти вызовы цифровизации свои ответы – от развития "цифровой демократии" до "цифровых диктатур", от новых технологий политической мобилизации через социальные сети до попыток взять эти сети под жесткий контроль.

К новейшим "осевым противоречиям" можно отнести еще ряд вызовов, сопряженных с распространением цифровых коммуникаций и новыми возможностями, порожденными цифровизацией. Во-первых, это противоречие между Сетью, императивами включения и принадлежности к ней, и – идентичностью Я, конструируемой и утверждаемой в процессах коммуникаций (М. Кастельс). Именно это противоречие порождает различные формы адаптации к новой цифровой реальности, включая упрощенные, деструктивные, варварские действия.

Попытки урегулирования этого противоречия приобретают разнообразные формы, определяемые теми особенностями, которые имеют сети. Существующая в цифровых коммуникациях видимость свободы присоединения и входа в сообщества разного толка разрушает саму природу устойчивой идентичности как основы идеологий и политических действий. "Подключение" к той или иной сети востребует декларацию определенных идейных предпочтений, которая формирует "цифровое тело" политического актора. Сеть исключает тех, кто не соответствует его "входным кодам", не оставляя альтернатив. Именно Сеть и те, кто ее программирует и определяет ее коды, принимают решения о возможности присутствия в ней и в целом о возможностях присутствия в коммуникативном пространстве, поэтому проще изменить свою идентичность, взгляды, цели, чем изменить Сеть. Как известно, в интернете существует феномен "балканизации", т.е. разделения на практически непересекающиеся сегменты. Это относится к эффектам поисковых машин, используемых политическими акторами, которые отсеивают все, что не релевантно "цифровой идентичности", формируя у участников коммуникации ошибочные представления об отсутствии альтернативных точек зрения, о доминировании определенных взглядов и настроений.

Проблемы свободы в интернете обсуждаются уже много лет. Интернет как цифровое средство коммуникации по самой своей сути предполагает свободу, которая в реальности часто принимает формы, деструктивные для общества, его институтов и ценностей, а также для безопасности, психического и физического здоровья людей. Даркнет как сегмент сетей, в котором происходят взаимодействия преступников, террористов и т.п., в значительной степени остается вне сферы контроля государств. Но и в легальных сегментах сетей свободное выражение деструктивных, агрессивных позиций, экстремистских, антигуманных идеологий легко обходит процедуры их запрета или ограничений. Целенаправленные виртуальные действия здесь сочетаются с политической мобилизацией на реальные деструктивные акции.

Опосредование социальных действий, собственно коммуникаций цифровыми устройствами фактически ведет к созданию "цифровых двойников"

социальных акторов. Если прежде идентичность, "социальное тело" индивида формировалось под влиянием "значимых других", традиций, ценностей конкретных жизненных миров, то ныне цифровизация позволяет создавать "пустые" "цифровые тела", функционирующие в глобальных социальных сетях. "Цифровая телесность" дает возможности практически каждому человеку осуществлять становление детерриторизированного и вневременного себя. Сегодня, по существу, молодое поколение формируется в виде гибридных социоцифровых сущностей, функционирующих вне конкретных цивилизационных ценностей и норм. Это дает им возможность достаточно легко стать "виртуозами плюрализма" (П. Бергер), "гражданами мира". Однако без интернализации культурных норм, сдерживающих проявления деструктивности, развитие коммуникативных возможностей и "цифровых умений" приводит к росту асоциальных действий и политическому экстремизму. Коммуникации на цифровых площадках, несмотря на условия, обозначаемые модераторами, благоприятствуют таким проявлениям "цифрового варварства", как киберагрессия: вмешательство в чужие коммуникации с целью их разрушения ради злой забавы (троллинг); жестокие розыгрыши, имеющие целью провокацию и унижение (пранк); целенаправленное нанесение психологического, репутационного и другого вреда, травля в сети (кибербуллинг). Их суть – бессмысленная жестокость, агрессия и разрушение ради развлечения и самоутверждения, эмансипация самых темных и архаичных сторон человеческой натуры в расчете на безнаказанность. Все они используются на разных уровнях политической коммуникации, от общения обычных участников социальных сетей до атак на известных публичных политиков, что по существу является легитимацией варварских способов коммуникации. Все это подпитывает распространение "текучего зла" [Bauman, Donskis 2016], зла беспредметного, анонимного, бессмысленного, проявлениями которого становятся терроризм, политический экстремизм, "цветные революции".

Во-вторых, к "осевым" мы относим противоречие между необходимостью постоянного обновления знания, развития науки, непрерывного образования и доступностью информации, порождающей представление о том, что все уже "открыто" и "сказано", и осталось лишь находить нужное и по-новому интерпретировать уже известное. Примером служит известный "эффект Google" – подмена знания предмета информацией о нем, точнее, знанием места, где ее можно найти. Это противоречие вызывает к жизни поверхностное, пренебрежительное отношение к ценностям и достижениям цивилизации, варварское, потребительское отношение к ним.

"Архивная революция", предполагающая перевод в цифровой формат фондов архивов и библиотек, музейных экспонатов и т.д., несомненно, делает их содержание более доступным, открывает новые возможности их сбережения для грядущих поколений. Формально они уже не могут быть утрачены, поскольку "интернет помнит все", но не этой ли подменой обусловлены многочисленные случаи "непреднамеренного" уничтожения объектов культурного наследия? Кроме того, разрушается непосредственное восприятие артефактов, живая связь познающего субъекта с познаваемым объектом, который в своем подлинном, неотчужденном в цифровой формат бытии становится просто ненужным. Когда реальные цивилизационные ценности познавательной, эстетической, творческой деятельности человека уступают место своим цифровым копиям, появляется возможность ими пренебрегать.

Х. Ортега-и-Гассет говорил о “варварстве специализации”, разрушающем институт науки. В цифровом обществе оно приобрело новые смыслы, поскольку специализация знания растет и профессионалы из одних областей оказываются агрессивными профанами в других. Особенно обострилось это противоречие в условиях пандемии COVID-19, когда многократно возросла потребность широкой общественности в разнообразных знаниях – от специализированных медицинских до политологических. Однако интернет стал ареной распространения не проверенных научных знаний, а продуктов самовыражения вольных интерпретаторов, когда политик трактует достижения вирусологии, а медики преподносят общественности конспирологические версии реалий с политическим подтекстом. Новым проявлением “варварства специализации” стало развитие “цифрового дилетантизма”, порождающего амбициозные притязания на право суждения по любой проблеме вследствие доступности огромного объема разнообразной информации в интернете. В социальных сетях и средствах массовой информации профессиональная экспертиза уже давно подменяется мнением “человека с улицы” – раскрученного блогера. Хотя его квалификация и компетентность, как правило, ничем не обоснованы, его мнение ценится выше, чем суждение профессионала, поскольку он пользуется заведомо большей известностью. У популярного блогера она может составлять сотни тысяч, даже миллионы подписчиков, в то время как аудитория профессиональных исследователей исчисляется несколькими десятками, в лучшем случае сотнями, коллег. Блогеры становятся лидерами мнений, привлекаются даже для участия в международных форумах высшего уровня (как на Петербургском экономическом форуме 2021[2]), в то время как научные достижения, как правило, обсуждаются лишь в рамках узкопрофессионального дискурса.

В-третьих, в условиях цифровизации и ускорения технологического развития по-новому осмысливается лежащее у истоков “осевого времени” противоречие между потребностью человека в гармонии с окружающей средой и творческой преобразующей активностью. В цивилизациях модерна ценности развития, обогащения, сциентизма и господства над природой привели к обострению экологического кризиса. Приходится констатировать, что развивающиеся альтернативные решения этого противоречия в виде экологических движений, более или менее успешных попыток регулирования природопользования не изменили в целом варварского отношения к природе. Напротив, политически ангажированное “зеленое” движение, граничащее с “неолуддизмом” и олицетворяемое ставшей мемом Гретой Тунберг, не столько способствует природоохранной деятельности, сколько продвигает деструктивные политические и экономические решения.

В контексте цивилизационного анализа представляют интерес возникающие новейшие парадигмы разрешения этого противоречия. Например, идеи *постгуманизма*, предполагающие наделение природы субъектностью и отказ от гуманистического антропоцентризма, или идеи *трансгуманизма*, основанные на техноцентризме и культе прогресса, видящие развитие человека как родового существа в цифровых и биотехнологических улучшениях, а не в совершенствовании интеллектуальных, нравственных, духовных, социальных свойств.

[2] Участие в форуме с подачи “Сбера” девятнадцатилетнего блогера Дани Милохина вызвало крайне противоречивую реакцию в обществе. См.: Яковлева Е. Кому не мил Даня. *Российская газета*. 08.06.2021. https://rg.ru/2021/06/08/tiktoker-dania-milohin-stal-odnim-iz-lic-sbera-na-pmef-2021.html (accessed: 28.11.2021).

Примечательно, что трансгуманизм, идеи которого возникли в XX в. как технократическое продолжение философских и религиозных теорий совершенствования человека, в настоящее время в целом ряде стран, в том числе и в России, является общественным движением[3], выступающим, помимо технологического прогресса, за политические ценности неолиберального толка, включая свободу выбора идентичности, гендера, гражданства и т.д. Однако представляется, что и социально-философские идеи постгуманизма и трансгуманизма чреваты дегуманизацией, поскольку основываются на примате технологического, прежде всего цифрового, прогресса в ущерб гуманистическому развитию человеческого капитала. Их идеалом, по сути, становится всесильный и бессмертный киборг или виртуальный разум на цифровых носителях, абсолютно лишенный сопереживания, доброты, совести, ответственности. А дегуманизация всегда представляет основу для "нового варварства".

Разнообразные институциональные решения, конкурирующие формы регуляции различных сфер жизни общества, в которых наиболее очевидным образом проявляются эти противоречия, представляют собой арены действий, где актуализируется "цифровое варварство". Наиболее очевидно и в то же время наиболее болезненно оно проявляется в политической и релевантных ей сферах. В частности, в последние годы, – в форме деструктивных действий в отношении исторического знания и исторической памяти. Это происходит не потому, что в интернете бесконтрольно распространяются различные "альтернативные" интерпретации исторических событий. Главная причина видится в том, что цифровые технологии работы с данными представляют неограниченные возможности для политических манипуляций материалами, и с их помощью – варварского, издевательского ниспровержения ценностей и идеалов. Примером может служить включение в материалы "Бессмертного полка" портретов фашистских лидеров.

Представляется, что реальной цивилизационной альтернативой тенденциям "цифрового варварства" как побочного порождения "вторичного осевого прорыва" стремительно развивающейся цивилизации является защита и культивирование подлинно гуманистических ценностей Истины, Добра и Красоты [Сорокин 1992], развитие духовных, культурных, социальных потенций человека. Еще М. Вебер задавался вопросом: что, если не возникнут "совершенно новые пророческие идеи", не возродятся "с небывалой мощью прежние представления и идеалы *или*, если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость"? [Вебер 1990: 206-207]. Если этого не произойдет, у современных людей не будет возможностей противостоять "цифровому варварству" иначе как путем возврата к глубокому фундаментализму, что наблюдаем сейчас в Афганистане и некоторых других регионах, в которых идет обесценивание человеческого капитала. Однако такая траектория развития цивилизации, уже названная политологами "реваншем истории, культуры, традиции над современностью", также несет в себе заряд деструктивности и варварства в традиционном смысле этого слова. Проблема, на наш взгляд, состоит в том, что в условиях цифровой реальности человек стремительно

[3] Манифест российского трансгуманистического движения (электронный ресурс). *Официальный сайт Российского Трансгуманистического Движения.* http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/ (accessed: 23.11.2021).

отучается самостоятельно мыслить, чувствовать, сопереживать. Лишь культивирование человеческого в человеке может стать значимой цивилизационной альтернативой "цифровому варварству". Начало движения к этой цели видится в переходе к гуманистическому цифровому повороту [Kravchenko 2019: 397-405] и междисциплинарности с гуманистическим стержнем [Кравченко 2020: 16-26]. Это сделало бы возможным осуществление гуманистически ориентированных инноваций в подходах к сбережению и развитию человеческого капитала, преодолению различных проявлений "нового варварства".

DOI: 10.17976/jpps/2022.01.04

"NEW BARBARISM" IN A CIVILIZATIONAL PERSPECTIVE: IMPACT ON HUMAN CAPITAL

N.N. Zarubina[1], **S.A. Kravchenko**[1, 2]

[1] *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

[2] *Institute of Sociology of the Federal Canter of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

ZARUBINA, Natalia Nikolaevna, Dr. Sci. (Philos.), Professor of Sociological Department, MGIMO University, email: n-zarubina@yandex.ru; **KRAVCHENKO, Sergei Alexandrovich**, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Head of Sociological Department, MGIMO University; Principle Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, email: sociol7@yandex.ru

Zarubina, N.N., & Kravchenko, S.A. (2022). "New barbarism" in a civilizational perspective: impact on human capital. *Polis. Political Studies*, 1, 31-44. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.04

Acnkowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-930).

Received: 27.05.2021. Accepted: 28.10.2021

Abstract. The purpose of the article is to update the civilizational analytical literature and to reveal heuristic possibilities for researching "new barbarism" as a sociocultural and political phenomenon that depletes human capital. The methodological basis of the work is the "civilizational turn" in social knowledge. Based on the works of P.A. Sorokin, S. Eisenstadt, J. Arnason, the authors consider "new barbarism" as a product of the increasingly complex nonlinear development of modern civilization, brought about by the emergence of the newest "axial contradictions". The ambivalence resulting from the complication of social realities has a number of positive aspects, including intercultural and intercivilizational interactions, but also a negative side, leading to archaization, social and political destructiveness, which are at the origins of the "new barbarism". The spread of "new barbarism" is associated with the destruction of the cultural and civilizational heritage of mankind. A special focus is put on the analysis of the phenomenon of "digital barbarism" developing in the context of "secondary axial breakthroughs" of the fourth technological modernization. The basic contradictions of modern development, leading to the spread of "digital barbarism", are highlighted, including the gaps between the growth of freedom due to the development of digital communications and new forms of social control and surveillance; between the need for new knowledge, creativity, and the devaluation of education and science; between the availability of information, an increase in the production of meanings and the alienation from cultural values, the real life of people. It is concluded that the humanistic approach to technological development is in demand as it can contribute to minimizing various manifestations of the "new barbarism".

Keywords: new barbarism, digital barbarism, civilization, civilizational analysis, human capital, nonlinear development, digitalization, humanism.

References

Bauman, Z., & Donskis, L. (2016). Liquid evil. Cambridge: Polity Press.

Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. In J. Richardson (Ed.), *Handbook of theory and research for the sociology of education* (pp. 241-258). New York: Greenwood.

Castells, M. (2010). The rise of the network society. Vol. I. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell. https://doi.org/10.1002/9781444319514

Eisenstadt, S.N. (2003). Introduction: comparative studies and sociological theory – from comparative studies to civilizational analysis: autobiographical notes. In S.N. Eisenstadt. *Comparative civilizations and multiple modernities. a collection of essays* (pp. 1-10). Leiden; Boston: Brill Academic Pub.

Kravchenko, S.A. (2019). Sociology on the move: The demand for humanistic digital turn. *RUDN Journal of Sociology,* 19(3), 397-405. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-397-405

O'Brein, R. (1992). Global financial integration: the end of geography. London: Pinter Publishers, The Royal Institute of International Affairs.

Arnason, J. (2011). Communism and modernity. *Sociological Journal,* 1, 10-35.

Assmann, J. (2004). Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury (LRC Publishing House). (In Russ.)

Eisenstadt, S.N. (1999). Revolyutsii i preobrazovanie obshchestva. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii [Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Erasov, B.S. (2002). Tsivilizatsii. Universalii i samobytnost' [Civilizations. Universals and identity]. Moscow: Nauka Publishers.

Kravchenko, S.A. (2020). Development of the subject of sociology: from monodisciplinarity to inter- and post-disciplinarity. *Sotsiologicheskie Issledovaniya,* 3, 16-26. (In Russ.). https://doi.org/10.31857/S013216250008794-6

Lotman, Yu.M. (1992). O semiosfere [About the Semiosphere]. In Lotman, M.Yu. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh* [Selected articles in three volumes] (pp. 11-24). Vol. 1. Tallinn: Alexandra. (In Russ.)

Ortega y Gasset, J. (2020). Vosstanie mass [The revolt of the masses]. Moscow: AST Publishers. (In Russ.)

Malashenko, A.V., Nisnevich, Yu.A. & Ryabov, A.V. (2018). Modern barbarism: reasons and consequences. *Politeia,* 2, 6-22. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-6-22 (In Russ.)

Sorokin, P.A. (1992). Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Sorokin, P.A. (2009). Krizis nashego vremeni: sotsial'nyi i kul'turnyi obzor [The crisis of our age: a social and cultural overview]. Moscow: ISPI RAN. (In Russ.)

Weber, M. (1990). Protestantskaya ehtika i dukh kapitalizma [The protestant ethics and the spirit of capitalism]. In: *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works] (pp. 61-272). Moscow: Progress Publishers. (In Russ.)

Zarubina, N.N. (2014). Simplified social practices as a way to adapt to a complex society. *Sotsiologicheskie Issledovaniya,* 5, 37-46. (In Russ.)

Zarubina, N.N. (2017). Respect for the scientific community as a prerequisite to confidence in institute of science in modern Russia. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naia Praktika,* 5(1), 89-107. https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.1.4994 (In Russ.)

Литература на русском языке

Арнасон Й. 2011. Коммунизм и модерн. *Социологический журнал*. № 1. С. 10-35.

Ассман Ян. 2004. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры. 368 с.

Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. *Избранные произведения*. С. 61-72. М.: Прогресс.

Ерасов Б. С. 2002. *Цивилизации. Универсалии и самобытность*. М.: Наука. 522 с.

Зарубина Н.Н. 2014. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму. *Социологические исследования*. № 5. С. 37-46.

Зарубина Н.Н. 2017. Уважение к научному сообществу как предпосылка доверия к институту науки в современной России. *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 5. № 1. С. 89-107. https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.1.4994

Кравченко С.А. 2020. Развитие предмета социологии: от монодисциплинарности к меж- и постдисциплинарности. *Социологические исследования*. № 3. С. 16-26. https://doi.org/10.31857/S013216250008794-6

Лотман Ю.М. 1992. О семиосфере. *Избранные статьи в трех томах. Т. 1.* Таллин: Александра. С. 11-24.

Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. 2018. Современное варварство: причины и следствия. *Полития*. № 2. С. 6-22. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-6-22

Ортега-и-Гассет Х. 2020. *Восстание масс*. М.: АСТ. 256 с.

Сорокин П.А. 1992. *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат. 543 с.

Сорокин П.А. 2009. *Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор*. М.: ИСПИ РАН. 388 с.

Эйзенштадт Ш. 1999. *Революции и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс. 416 с.